

Виктор Шнирельман. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. В 2-х тт. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. 552 с., Т. 2. 848 с. Ил.

В России обсуждение — и осуждение — расизма происходит сегодня, как правило, в концептуальных рамках полувековой, а то и более, давности. Расизм воспринимается в первую очередь как приписывание тем или иным группам каких-либо биологически заданных черт. Между тем, как напоминает в своей новой книге Виктор Шнирельман, подобное понимание расизма устарело. Уже на протяжении нескольких десятилетий в центре внимания специалистов находится «новый» расизм, использующий не физические, а культурные характеристики¹. Американские исследователи формулируют концепцию «символического расизма» (*symbolic racism*), британцы говорят о «новом расизме» (*new racism*), во Франции Пьер-Андре Тагиефф прибегает к термину «дифференциалистский расизм» (*racisme différentialiste*). Ключевыми понятиями такого расизма являются «несовместимость культур», «порог толерантности», «сохранение этнокультурного портрета», «культурная экология», «столкновение цивилизаций», «архетипы», «менталитет» и так далее, пишет Виктор Шнирельман в своем двухтомном обзоре идеологии и практики расизма (Т. 2. С. 460).

Искать в двухтомнике принципиально новые теории читателю не стоит: автор и не стремится их сформулировать. Его задача — изложить концепции европейских и американских ученых и проследить их эволюцию на протяжении XX века, изучить современную расистскую риторику и описать основные черты «нового» расизма (или «новых расизмов» — в книге не раз повторяется мысль о множественности его форм), в том числе и на российском материале.

Первый том адресован прежде всего тем, кто хочет понять истоки расизма и их исторический контекст. Подобных исследований в России до сегодняшнего дня было мало: переводились отдельные работы Этьена Балибара и Иммануила Валлерстайна², Роберта Майлза³, Пьера-Андре Тагиеффа⁴, в которых рассматривались определенные темы и концепции расизма и дискриминации. Российские исследователи выпустили несколько сборников статей⁵, в основном сосредоточенные на каком-то одном из аспектов общей темы, а также несколько авторских монографий и сборников⁶, среди которых и работы автора⁷ рецензируемой книги. Таким образом, данный двухтомник можно назвать, пожалуй, первым российским изданием, в котором описаны и проанализированы наиболее важные концептуальные подходы к пониманию расизма, сформулированные в мире на протяжении последнего столетия.

Центральная тема всего двухтомника — это именно «новый» расизм, его отличия от «старого», традиционного расизма, а также бытующие в разных обществах варианты «нового» расизма. «Для “современного расизма”, — обобщает Шнирельман сложившуюся в западной научной литературе парадигму, — характерны следующие особенности. Во-первых, он переносит акцент с биологии на культурные ценности, во-вторых, место иерархии теперь занимают культурные различия, которые преувеличиваются, реифицируются и декларируются как “культурная несовместимость”, наконец, в-третьих, расистские настроения выражаются в скрытой форме и трудно распознаваемы» (Т. 1. С. 145).

Это нередко проявляется в ходе дискуссий, связанных с присутствием иммигрантов на территории, например, европейских стран, когда местные жители объясняют их неудачи не столько дискриминацией (иммигранты и выходцы из иммигрантской среды часто не могут найти работу, жилье), сколько изъянами их собственной культуры (они не могут принять наши правила, так как у них другая культура).

«Новый» расизм охватывает куда более широкий круг явлений, мнений, высказываний, чем расизм традиционный. Характерно, что в качестве важной особенности современного, «нового» расизма автор упоминает его неосознанность («нечаянный расизм»). Благонамеренные жители западных стран становятся расистами путем уже самого только отрицания собственного расизма («я же люблю африканцев»). Иными словами, под расизмом подразумевается любое подчеркивание каких-либо особенностей, якобы присущих той или иной группе — даже если это положительные черты («все африканцы — отличные спортсмены»; «азиаты очень трудолюбивы»). Однако как в таком случае (и этот вопрос все чаще задают себе ученые) проводить полевые исследования той или иной группы людей, выходцев из одного сообщества, изучать диаспоры, тогда как выделение самого объекта исследования уже может считаться проявлением расизма (даже если автор будет настаивать на успешной интеграции представителей этих сообществ и наделять их положительными качествами)?

Автор рецензируемой книги задается вопросом: не стал ли термин «культура» лишь своего рода прикрытием для все тех же «традиционных» расистских высказываний? По мнению Шнирельмана, «...негативное отношение, выработавшееся в Западной Европе к классическому биологическому расизму, дискредитированному нацистами, приводит к смене терминологии, и свой-

ственные ему клише сейчас вкладываются в такие понятия, как “этническая группа” или “культурная общность»» (Т. 1. С. 183). Как пишет автор, хотя сегодняшние расисты и оперируют понятиями культурного превосходства, культура при этом преподносится как заложенная на генетическом уровне. В восприятии граждан принимающей страны инокультурные общности нередко наделяются более низкими врожденными «культурными способностями» (примером служит отношение к «арабам» во Франции, когда именно «разница культур» выдвигается в качестве основного аргумента в дебатах об их интеграции). Автор закономерно приходит к выводу о невозможности четко разделить в расизме его «новые» и «старые» формы, и порой «символический расизм не является более мягким по сравнению с биологическим». В итоге Шнирельман соглашается с теми, кто пишет о «структурном характере расизма, присущего современному Западу, где общественное мнение постоянно меняет свои аргументы в соответствии с изменением окружающей обстановки» (Т. 1. С. 146–147).

Рассмотрев теоретические дискуссии о сути расизма в Европе и США, автор во втором томе переходит к анализу эволюции расизма в России и сложившейся ситуации в этой сфере. С его точки зрения, в современной России расизм «выступает в нескольких обликах». Во-первых, это расистская идеология, основанная на примордиалистских установках теории этноса, превращающей этнос в «биологическое тело» (Т. 2. С. 468). Во-вторых, это «институциональный расизм», который присутствует в правоохранительных органах, в чиновничьих структурах, в системе образования и ряде других институтов, «где не только воспроизводится расистская идеология, но и осуществляется дискриминация расиализированных “чужаков”» (Т. 2. С. 468). В-третьих, «расизм используется в риторике ряда ведущих поли-

тических партий... В-четвертых, необычайную популярность в постсоветской России получил бытовой расизм» (Т. 2. С. 469).

Гражданское общество в том виде, как оно существует на Западе, в России фактически не сложилось, отмечает Шнирельман. Не появилось новой гражданской и политической идентичности: как и в советский период, «важнейшим стержнем... взаимоотношений была и остается этничность» (Т. 2. С. 483). В таких условиях неудивительно, что национальная идея приняла культурную форму, а идея «цивилизации, — утверждает Шнирельман, — будь то российской, русской, православной или даже евразийской», получила широкую популярность. И если в Европе открыто быть расистом невозможно (расизм скрывается, и расистское высказывание в публичном пространстве будет осуждено большей частью окружающих), то в России откровенно расистский лозунг «Россия для русских» не вызывает удивления общественности, а темы «понаехавших», «черных», «чурок» не встречают негативной реакции у большинства населения.

Ключевым трендом 2000-х годов, по мнению автора, стала кардинальная трансформация радикального русского национализма. Одним из основных его течений стал откровенный расизм (причем автор не указывает, о каком именно — «новом» или «старом» — расизме здесь идет речь), а также расиализация государственной политики на институциональном уровне (в качестве примера Шнирельман рассматривает действия местных властей в отношении иммигрантов в Краснодарском крае). Характерно, что в начале 1990-х о «несовместимости культур» и «столкновении цивилизаций» в России говорили лишь радикальные, даже маргинальные, политики. Но начиная с середины 1990-х годов этот дискурс стал неотъемлемой частью повседневных высказываний некоторых представителей политического исте-

блишмента, включая и отдельных депутатов Госдумы. Одновременно менялись и массовые представления, полагает Шнирельман. По данным цитируемых им опросов общественного мнения, в 1995-м около половины респондентов в России верили, что «национальность дана человеку от природы или Бога». Примерно те же результаты дали опросы 1998 года. В 2000-х, однако, доля сторонников биологического понимания идентичности возросла: в 2008 году уже каждые двое из трех респондентов определяли русскость «по крови» (Т. 1. С. 369). Таким образом, автор говорит о возвращении в России «старого» расизма — традиционного, биологического, с его лозунгом о «спасении белой расы» и разнообразными фобиями («наплыв мигрантов», «вымирание белых народов», «смерть Европы», «замещение белого населения цветным» и т. д.). Впрочем, отмечает Шнирельман, российские расологи, заинтересованные в установлении связей с европейскими новыми правыми, говорят о своей приверженности культурному расизму, в последнее время все чаще заменяя в публичных выступлениях понятие «расы» на «этнос».

Автор приходит к выводу, что сегодня в России расизм широко распространен. Однако не вполне ясно, следует ли говорить в нашем случае о «новом» расизме европейского типа или же «новый» расизм, пришедший на смену «старому», «советскому», существенным образом отличается от западной модели? Автор отмечает, что «современная антииммигрантская фразеология до боли напоминает антисемитские стереотипы, популярные в России ровно сто лет назад: якобы «чужаки» агрессивно и успешно конкурируют, вытесняя «коренных жителей» из прибыльных сфер экономики...» (Т. 2. С. 169), и тут же настаивает, что ничего собственно юдофобского в этих заявлениях нет — можно лишь говорить о расхожих сте-

реотипах, распространенных в отношении «меньшинств». (Заметим от себя, что в этой связи было бы интересно подробнее изучить отношение «коренных москвичей» к «лимитчикам» в советские годы.)

Современная российская мигрантофобия в целом занимает видное место в работе Шнирельмана. Однако, отмечая ее существенный рост, автор соотносит ее не только и не столько с увеличением миграционных потоков после распада СССР, а с экономической ситуацией и конкуренцией за рабочие места в специфических условиях постсоветской реструктуризации рынка труда.

Концептуально наиболее интересен в книге Шнирельмана предлагаемый им анализ исторических корней современного российского расизма. По мнению автора, тот расизм, который мы сейчас наблюдаем, в значительной степени порожден советской национальной политикой, которая, разумеется, была направлена на преодоление расизма, характерного — согласно школьным учебникам — исключительно для буржуазного, «западного» общества. Однако на практике, пишет автор, сегодняшний расизм вырастает из существовавших в советские времена практик, бывших по существу расистскими (этнические чистки, депортации, антисемитские кампании). Что более важно, даже оставляя эти практики в стороне, проводившаяся в Советском Союзе политика стимулировала тот самый «культурный» расизм, о котором Шнирельман пишет применительно к современным западноевропейским обществам, поскольку этнические группы превращались в закрытые «коллективные тела», наделяемые уни-

кальными особенностями, коренящимися в «менталитете» и в глубинах истории (Т. 1. С. 287). Такой «культурный» расизм, наблюдаемый сегодня в России, зафиксирован в том числе и в унаследованном от СССР политико-административном делении с его принципом «этницизма».

Главный вопрос, возникающий по прочтении книги, заключается в том, что нужно — и возможно — предпринять в нынешней российской ситуации? Как могла бы выглядеть модель не-расистской государственной политики? Основные дискуссии последнего времени связаны с вопросом о мультикультурализме, потерпевшем (как все чаще приходится слышать) крах в европейских обществах. Шнирельман указывает, что «мультикультурализм должен пониматься как доктрина не эссенциализирующая культуры, а, напротив, допускающая культурные изменения и возникновение новых культурных конфигураций, сочетающихся с основополагающими ценностями общенациональной культуры, представленной “универсализмом”. Если же мультикультурализм выбирает путь эссенциализации этнических культур, то это ведет к расизму». Такой подход действительно позволяет отойти от устоявшегося противопоставления «мультикультурализма» и «ассимиляторства». Другой вопрос — как осуществить переход к такой системе взглядов в России, учитывая отсутствие в нашей стране сложившегося гражданского общества, высокий уровень социального расслоения и бедности, значительные миграционные потоки и целый ряд других отягчающих обстоятельств. ■

ЕКАТЕРИНА ДЕМИНЦЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Wiewiorka M. Neuf leçons de sociologie*. P.: Pluriele, 2010 (2008). P. 290.

² *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс: Двусмысленные идентичности / Под общ. ред. Д. Скопина, Б. Кагарлицкого. М.: Логос-Альтега / Ессе Ното, 2003.

³ *Майлз Р., Браун М.* Расизм. М.: РОССПЭН, 2004.

⁴ *Тагиев П.-А.* Цвет и кровь. М.: Ладомир, 2009.

⁵ См., напр.: *Расизм в языке социальных наук* / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алтейя, 2002; *Дубровский Д., Карпенко О., Кольцова Ю.* и др. Язык вражды в русскоязычном Интернете: Материалы исследования по опознанию текстов ненависти. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб., 2003; Язык

вражды против общества / Сост. А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007; *Расизм в языке образования* / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алтейя, 2008.

⁶ См., напр.: *Малахов В.* Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

⁷ *Шнирельман В.А.* «Чистильщики московских улиц»: Скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2010; *Он же.* Лица ненависти (антисемиты и расисты на марше). 2-е изд. М.: Московское Бюро по правам человека; Academia, 2010; *Он же.* Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛЮ, 2006; *Он же.* Очерки современного расизма. Петрозаводск: Скандинавия, 2006.

Новая армия России / Под ред. М.С. Барабанова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2010. 168 с.

Монография «Новая армия России», изданная под эгидой Центра анализа стратегий и технологий (ЦАСТ), весьма полезна для всех, кто интересуется военной политикой России.

В передовых демократических странах столь важным темам обычно посвящены специальные правительственные издания, которые часто называют Белой книгой. Однако в России после трех лет осуществления новой военной реформы так и нет открытого официального документа, содержащего цельную концепцию, предпосылки, задачи, планы и средства глубокого преобразования Вооруженных сил. Об этих вопросах приходится судить по отдельным заявлениям и интервью высших должностных лиц, комментариям журналистов и экспертов, «утечкам» в печать. Рассматриваемая книга в зеленой обложке, содержащая обширные сведения о военной реформе, отчасти ком-

пенсирует отсутствие Белой книги и заполняет огромную брешь в информационной деятельности Министерства обороны.

Безусловным достоинством книги является детальное изложение и систематизация осуществляемых и намеченных мероприятий военного реформирования как в их совокупности, так и отдельно, по видам вооруженных сил и родам войск. В основе этого труда — аналитическая проработка авторским коллективом огромного массива доступной информации той или иной степени достоверности.

Как утверждается в монографии, многие направления нынешнего военного реформирования вполне обоснованны и давно назрели, с чем нельзя не согласиться. В частности, это отказ от концепции мобилизации и упразднение кадрированных соединений и частей; сокращение численности Вооруженных сил (ВС) и парков устаревшей

военной техники; исправление «перекосов» структуры личного состава; разукрупнение соединений и частей. Также это перевод всех их в состояние постоянной готовности, создание Объединенных стратегических командований (ОСК) вместо военных округов, улучшение боевой подготовки. Очень важно повышение технической оснащенности и мобильности войск и сил, консолидация системы тылового обеспечения, адаптация к новым условиям системы военного образования и военной науки, избавление Минобороны от лишнего имущества, припасов и земельных угодий и пр.

В книге высказаны некоторые осторожные замечания и ставятся под вопрос отдельные мероприятия Минобороны, но вместе с тем она обходит стороной ряд очевидных крупных недоработок и противоречий нового этапа военного реформирования. Возможно, это умолчание успокоит тех, кто планирует и осуществляет преобразования Вооруженных сил. Однако подобная уклончивость приводит к тому, что результаты преобразований не получают объективной оценки, а у тех, кто их осуществляет, не появляется возможность еще раз обдумать ход реформ и своевременно исправить допущенные ошибки.

Между тем конструктивная и обоснованная критика извне была бы особенно полезна ввиду того, что принятие решений по военным преобразованиям представляет собой полностью закрытый, кулуарный процесс. Их разработка и исполнение всецело передано в руки военной бюрократии, а общественный контроль, будь то парламентский или экспертный, попросту отсутствует.

Взять, к примеру, мероприятия по реформированию системы комплектования Вооруженных сил, повышению их боевой подготовки, улучшению материального обеспечения и морального состояния личного состава. Эти задачи вступают в кричащее

противоречие с намерением сохранить призыв и 12-месячный срок службы рядового состава, а также со способами преобразования и сокращения офицерского корпуса и контрактного контингента, которые к тому же беспрерывно пересматриваются по ходу реформирования.

Первоначальный план реформы выглядел так: при численности Вооруженных сил в 1 млн человек и намеченном сокращении офицерского корпуса до 150 тыс. человек армия должна была иметь 150 тыс. сержантов и рядовых контрактников¹ (по другим данным — 170 тыс. сержантов и рядовых контрактников²) и не менее 700 тыс. солдат срочной службы. Отсюда возникал естественный вопрос: как набрать 700 тыс. призывников, тем более что при одногодичном сроке службы такой набор потребует ежегодно? Сейчас призывного возраста ежегодно достигают 700 тыс. юношей, из которых пригодны для службы максимум 400 тыс. человек³, но в ближайшие годы предстоит «демографическая яма», которая уменьшит призывной контингент еще на 35–40 процентов.

Иными словами, вопреки поставленной цели перехода на соединения и части постоянной готовности, армия изначально была обречена на некомплект рядовых примерно в 200–350 тыс. человек. Все вернулось бы в той или иной степени к частям неполного состава (кадрированным), от которых реформа правильно предполагала раз и навсегда отказаться. Хуже того, даже части, полностью укомплектованные рядовым составом, в каждый момент времени имели бы низкую боеспособность. Ведь при сроке службы призывников в 12 месяцев половина рядовых-срочников всегда имела бы менее полугода обучения. Наконец, за 12 месяцев просто невозможно обучить солдата обращению со сложной современной техникой и оружием, тактике ведения интенсивных боевых действий нового типа.

Уже в ходе реформы этот план начали корректировать, хотя его недостатки несложно было предвидеть с самого начала. Первой серьезной коррекцией оказалось принятое в начале 2010 года решение сократить офицерский корпус не до 150 тыс., а до 220 тыс. человек, т.е. вернуть в строй 70 тыс. офицеров⁴. Затем было решено увеличить запланированный контингент рядовых-контрактников со 150–170 тыс. до 425 тыс. военнослужащих. По всей вероятности, стало очевидно, что в предсказуемых демографических условиях невозможно ежегодно набирать и обучать 630 тыс. призывников (1 млн человек минус 220 тыс. офицеров и 150 тыс. контрактников).

Таким образом, третья версия реформы системы комплектования предполагает ежегодно призывать порядка 355 тыс. рядовых-срочников, что более или менее укладывается в демографические реалии России. Но это не снимает острых социальных проблем между армией и обществом, которые возникают всякий раз в период призыва. Кроме того, в результате сохраняются нетерпимые явления внутри Вооруженных сил, такие как «дедовщина», преступность, смертность, технические аварии и проч. К тому же для столь существенного увеличения планируемого контрактного контингента не было предусмотрено соответствующее повышение плана финансирования или перераспределение средств внутри военных бюджетов. Поэтому в обществе возникло подозрение, что предлагаемые меры — не более чем пиар-акция в преддверии федеральных выборов 2011–2012 годов, поскольку, по опросам, переход на полностью контрактную армию поддерживает 60 проц. населения⁵. К сожалению, этот вопиющий пример нестыковки военной реформы не привлек внимания авторов рецензируемой монографии.

Но немало и других примеров. В частности, серьезные социальные и моральные

проблемы возникли в связи с методами сокращения офицерского корпуса, а также реорганизации, передислокации и ликвидации научных институтов и учебных заведений Вооруженных сил.

В части структурных преобразований решения о создании четырех ОСК противоречат их совмещению с укрупненными военными округами. В итоге с некоторыми внешними поправками было восстановлено то, что существовало в СССР, когда военный округ с началом войны становился фронтом. То есть прежние задачи по административно-хозяйственной деятельности и по функционированию ОСК остались в одних и тех же руках⁶.

Очевидны несоответствия между намеченной численностью армии, программами повышения ее материального содержания и технического переоснащения — и доступными финансовыми, производственными и техническими ресурсами. Государственная программа вооружений не соответствует ежегодным фактическим закупкам вооружений и военной техники и в целом представляется нереалистичной — особенно с учетом распыления средств среди многочисленных типов закупаемых систем вооружений и техники. Вместо того чтобы наладить четкий механизм оценки проектов с точки зрения их перспективности, а также установить надежный контроль над их осуществлением, были урезаны ассигнования на НИОКР, что обрекает Россию на догоняющую модель военного развития, увеличение отставания от ведущих держав по наиболее передовым направлениям военно-технического прогресса.

Обоснованное избавление Вооруженных сил от огромных излишков движимой и недвижимой собственности, земельных угодий проводится недостаточно прозрачно; тендеры и выбор покупателя скрыты от общественности (и, видимо, от парламента). Нет ясности с использованием для нужд армии вырученных денег, судя по всему немалых.

В книге не представлены никакие вразумительные военные, стратегические, экономические и административные обоснования для намеченной передислокации Главного штаба ВМФ в Петербург. По всем этим аспектам было выдвинуто много возражений, но власти не дали на них никакого убедительного ответа. Любовь отдельных государственных деятелей к родному городу и гордость за его военно-морскую историю, конечно, заслуживают уважения. Но едва ли допустимо оплачивать эти чувства за счет российских налогоплательщиков и в ущерб функционированию важнейшего вида Вооруженных сил. Выражая гордость по поводу возобновления морских походов российских ракетных крейсеров, которые, наверное, произвели большое впечатление на обитателей отдаленных тропических побережий, авторы книги забыли высказаться по поводу столь острого вопроса, как перенос Штаба флота. Страшно подумать, сколько наболевших проблем жилья для офицеров и отставников можно было бы решить за деньги, которые уйдут на эту сомнительную затею.

Перечисленными примерами далеко не исчерпывается список недостатков и ошибок текущей российской военной реформы, которые не нашли отражения в книге «Новая армия России». Кроме того, есть серьезные противоречия и внутри авторского коллектива, но ни редактор, ни автор предисловия их не разъясняют и не комментируют.

Например, Алексей Гайдай, автор прекрасной главы о реформе Сухопутных войск, пишет: «Основополагающей отправной точкой новой концепции реформирования... [было решение,] что Вооруженные силы РФ должны переориентироваться с задачи участия в масштабной войне с несколькими противниками на возможное участие в локальных конфликтах на границах России, на территории стран СНГ и ближнего зарубежья (наподобие обеих чеченских войн,

Пятидневной войны и т. д.)» (с. 24). Эта абсолютно правильная и исторически революционная для России стратегическая концепция оторвана от изложенной в той же главе (и очень полезной для читателя) схемы общего числа и дислокации соединений (бригад) «нового облика» Сухопутных войск. Иными словами, нет никакого обоснования того, что именно такой состав, структура и дислокация соответствуют упомянутой концепции, а если не соответствуют, то позиция автора осталась его тайной.

Хуже того, авторы других глав, судя по всему, исходят из принципиально иных стратегических концепций. Например, Антон Лавров в главе о реформе ВВС по старинке пишет о «потенциальных противниках» в лице США, других стран НАТО, Японии, Финляндии. Если планируется воевать с ними, так что это, как не концепция «участия в масштабной войне с несколькими противниками», от которой, по утверждению Гайдая, отказались Сухопутные войска? То же относится к определению задач зенитных средств Воздушно-космической обороны и lamentациям по поводу ее недостаточной возможности «...поражать объекты в ближнем космосе, уничтожать гиперзвуковые цели» (с. 78). Ясно, что тут речь идет не о локальных конфликтах, а о большой войне с США и их союзниками. Если анализ авторов верен, то получается, что, невзирая ни на какие ОСК, наши виды Вооруженных сил готовятся вести совершенно разные войны, однако редакторы и авторы монографии никак не фиксируют своего отношения к такой военно-стратегической «шизофрении».

Понятно, что суть ядерного сдерживания сводится к способности ответного удара именно по «адресату» сдерживания, чтобы не допустить войны. Но силы общего назначения (СОН) призваны, прежде всего, иметь возможность вести реальные военные действия и побеждать, так что для них четкое

и согласованное определение вероятных противников и характера войн имеет решающее значение. Это, конечно, не отменяет нормальное и в принципе «здоровое» соревнование с другими странами в новейших авиационных, космических и многих других системах военной техники; такое соревнование идет даже между союзниками по НАТО и, естественно, не подразумевает планов войны друг с другом.

В обобщающей главе Антона Карнаухова и Вячеслава Целуйко, наряду с весьма убедительными соображениями о роли ядерного оружия в войнах различного масштаба (с. 106), высказываются весьма странные опасения, что «значительная часть развернутых формирований Российской армии будет втянута в той или иной мере в долговременный процесс урегулирования различных конфликтов на ее территории и в иностранных государствах (курсив мой. — А. А.)» (с. 113), и потому без большой мобилизации их не хватит для «нового вооруженного конфликта».

А чем же, спрашивается, еще заниматься Российской армии и флоту (помимо стратегических ядерных сил), как не участием в региональных и локальных конфликтах и их урегулированием? Именно это делают с разной степенью успеха в последние 20 лет армии США, НАТО, России и других стран мира. А точнее, в последние 65 лет, хотя, несмотря на ядерное сдерживание, готовились все это время к большой войне. Нет

никаких убедительных доводов в пользу того, что в обозримом будущем характер реальных конфликтов изменится, однако многие российские военные аналитики никак не могут избавиться от менталитета широкомасштабной войны.

Другое дело, что надо рассчитывать свои силы в проведении даже локальных операций и всегда оставлять резерв для непредвиденного вооруженного конфликта. Но это вовсе не требует сохранения крупного традиционного мобилизационного потенциала, а просто предполагает разумную внешнюю политику и избирательность в применении силы.

Высказанные критические замечания, относящиеся к различным аспектам военной реформы, не затронутым в книге, а также собственно к содержанию последней, не умаляют изрядных достоинств новой монографии ЦАСТ. Более того, эти замечания выдвинуты сообразно высокому профессиональному уровню анализа, широкому охвату и огромной работе по систематизации доступной информации, которые представлены в публикации. Монография, несомненно, является весомым вкладом в информационную и аналитическую базу военной политики России и способствует открытой общественной дискуссии по проблемам обороны, которая составляет непреложное условие демократического развития нашей страны. ■

АЛЕКСЕЙ АРБАТОВ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Независимое военное обозрение (далее — НВО). 2011. 4–10 марта.

² НВО. 2011. 18–24 февр. С. 5.

³ НВО. 2011. 4–10 марта.

⁴ НВО. 2011. 1–7 апр. С. 5.

⁵ Шлыков В. Как это было в Америке // Индекс безопасности. 2011. Т. 17. № 1 (96). С. 167.

⁶ См.: Арбатов А., Дворкин В. Новая военная реформа России // Рабочие материалы. М.: Московский Центр Карнеги, 2011.

Graeme B. Robertson. The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia. Cambridge Univ. Press, 2011. 285 p.

Место действия — проспект Сахарова, широкая, ничем не примечательная улица недалеко от центра Москвы. Под охраной ОМОНа здесь собрались тысячи россиян, в основном молодых, объединенные общей идеей, которую автор рецензируемой книги формулирует так: «Противники Путина — фашисты и предатели, Соединенные Штаты и российские либералы — враги России, Владимир Путин — друг России!»

Представляется, что есть особый — прощальный — смысл в том, что именно с описания этого митинга прокремлевского молодежного объединения «Наши», организованного на проспекте Сахарова 25 марта 2007 года, начинается недавно вышедшая книга Грэма Робертсона «Политические протесты в гибридных режимах: Управление инакомыслием в посткоммунистической России». Через четыре года и девять месяцев (минус один день) — 24 декабря 2011 года — внимание большинства читателей Робертсона вновь было привлечено к проспекту Сахарова, но на этот раз здесь проходил совсем другой митинг. Конечно, эта книга была написана и ушла в печать задолго до того, как появился малейший намек на публичный протест против предполагаемого и в конечном счете успешного возвращения Путина на пост президента России. Но именно этот очевидный парадокс — сосуществование столь разных явлений в одной географической и политической реальности, внутри одного общества и в рамках одного и того же научного подхода — задает направление анализу книги и отныне будет неизбежно определять ее восприятие.

С самого начала следует предупредить: эта книга не о политической оппозиции в России. Оппозиция в ней, конечно, присутствует, и сам факт выступления против авторитарного правления важен как для эмпирического повествования, так и для аналитических рассуждений. Но читатели, желающие увидеть просто борьбу добра со злом, будут разочарованы: книга Робертсона гораздо сложнее, и многие устоявшиеся категории и установки в ней подвергаются сомнению. Так и должно быть, потому что автор поднимает очень сложный вопрос: как оценивать значение и роль протестов в гибридных режимах, подобных российскому — в которых авторитарный контроль над политическим процессом существует параллельно с формально демократическими институтами, а внутриэлитная конкуренция сочетается с отсутствием публичной подотчетности власти? В конце концов, значительная часть того, что мы знаем — или думаем, что знаем, о протестах и социальной мобилизации, почерпнута из исследований либо демократических государств, либо более традиционных авторитарных и тоталитарных систем. Гибридные режимы — относительно новый феномен; как выясняется, они обладают значительной прочностью, в немалой степени благодаря очевидной гибкости в управлении конфликтами как внутри элиты, так и с участием масс. Чего не хватает политологам, так это системного подхода к осмыслению протестов в гибридных режимах, и именно этот пробел Робертсон стремится заполнить.

Масштабный анализ Робертсона охватывает, по сути, весь период правления Ельци-

на и Путина до того, как президентом стал Медведев; он опирается на данные, полученные из множества самых разных источников. Одним из наиболее ценных является уникальная база данных о протестах и забастовках, полученная в Министерстве внутренних дел при «позднем Ельцине», когда подобные данные еще можно было получить. Применительно к более позднему периоду своего исследования Робертсон использует сообщения СМИ, данные, полученные в ходе собственного полевого исследования и из вторичных академических источников. По утверждению автора, собранная им совокупность данных:

«...Позволяет охарактеризовать... природу политических протестов в России и в других режимах, в которых элементы политической конкуренции сочетаются с элементами авторитаризма. Протесты имеют место, но они в значительной степени контролируются элитой. Демонстрации оппозиции часто подавляются (в том числе и превентивно) или нейтрализуются с помощью проправительственных акций, организуемых самой властью. Стихийные, низовые и несанкционированные протесты тоже имеют место, но это, как правило, разовые события – координация во времени или пространстве практически отсутствует. Этому относительно спокойствию, однако, могут угрожать расколы в правящей элите, а конкуренция элит может быстро перерасти в массовые акции на улицах».

Исходя из этого, Робертсон выдвигает гипотезу, которую он подробно рассматривает на протяжении всей книги, а именно, что нам необходимо выделять специфические формы протеста, порождаемые гибридным авторитаризмом:

«Я утверждаю... что гибридные режимы, как правило, порождают гибридный протест, в котором обособленные прямые акции протеста, характерные для авторитарных режимов, сочетаются с более символическими протестами, характерными для демократий».

При этом основное внимание он уделяет трем ключевым переменным:

- организационной «экосистеме», то есть разнообразным общественным организациям, включая НПО, профсоюзы, этнонациональные и конфессиональные группы и т. д., и «условиям, в которых организации рождаются, живут и (возможно) умирают»;
- государственным стратегиям мобилизации (как государство мобилизует поддержку для себя и/или осуществляет демобилизацию оппозиции);
- внутриэлитной конкуренции.

В соответствии с этим Робертсон анализирует три важных временных сдвига. Первый, в организационной «экосистеме», произошел примерно в 2005 году и был отмечен «появлением активных и относительно оформленных оппозиционных групп – пусть пока немногочисленных, – которые стремились заручиться общественной поддержкой». Второй касается стратегии государственной мобилизации и по времени совпал с переходом власти от Ельцина к Путину в 2000 году, после чего губернаторы перестали использовать местные протесты (часто ими же и поддерживаемые) в качестве рычага воздействия на Кремль и «вместо этого наперегонки демонстрировали лояльность новой власти в Москве». И наконец, политические реформы путинской поры внесли изменения в структуру и модели соперничества элит, в результате чего «элита стала намного более сплоченной, а

региональные лидеры получили мощные стимулы к предотвращению возможных протестов».

Эмпирика исследования Робертсона не вызывает вопросов: он ярко и убедительно показывает, что модели мобилизации совпадают со структурными сдвигами, кратко описанными выше. Более того, он осуществил редкий в современной политологии подвиг, поскольку не только продемонстрировал надежную статистическую связь, но и провел подробные исследования, необходимые для выявления глубинных причинно-следственных механизмов. У читателя — по крайней мере, у автора настоящей рецензии — не остается сомнений в том, что резкий спад протестных акций в России в 2000-х годах по сравнению с 1990-ми происходил именно так и именно по тем причинам, как это описывает Робертсон.

Самое интересное в книге — это обобщенные выводы (подробнее о них речь пойдет ниже), и именно их читатель, скорее всего, подвергнет критике.

Первое направление анализа в работе Робертсона касается проблем России, а точнее, значения полученных им данных для понимания сегодняшнего положения дел в стране, того, как оно сформировалось и в каком направлении будет развиваться. Автор пишет:

«...Даже при том, что протесты в России оказывают глубинное воздействие на природу режима, пока они не привели ни к какому заметному продвижению в направлении демократизации. Напротив, недовольство сыграло решающую и пока мало исследованную роль в формировании и стабилизации полуавторитарного гибридного режима в России».

Это неожиданное утверждение — что протесты не способствовали развитию в сторону демократии, скорее наоборот — он

подкрепляет тремя хорошо обоснованными аргументами. Во-первых, он показывает, как потенциально дестабилизирующее использование массовых протестных акций в качестве инструмента внутриэлитной конкуренции в период правления Ельцина убедило Путина и его союзников в необходимости приструнить и консолидировать элиту. Во-вторых, он анализирует эффективные меры администрации Путина, имевшие целью кооптировать поддерживаемые государством профсоюзы и использовать их лояльность как инструмент борьбы против забастовок. Наконец, он показывает, как, реагируя на «оранжевую революцию» на Украине, Кремль методично ограничивал деятельность гражданских организаций и создавал имитационные структуры, призванные заполнить общественное пространство.

Эта несколько механистическая аргументация представляется отчасти убедительной, хотя и имеет, на мой взгляд, два концептуальных изъяна. Во-первых, утверждая, что для борьбы с перечисленными проблемами российский режим сконструировал столь сложную систему, автор, возможно, преувеличивает дальновидность и целенаправленность действий российских властей; не исключено, что дела обстоят именно так, но читателям, не имеющим возможности заглянуть в мысли тех, кто принимает решения, это может показаться не слишком убедительным. Потенциально более серьезной проблемой является то, что объяснения, предлагаемые автором, создают впечатление, что сами протестующие вообще не являются самостоятельными акторами; Робертсон, в сущности, низводит их до уровня инструмента, используемого одной политической силой против другой. Между тем, если обратиться к теории социальных движений, то большинство работ, применяющих этот подход для изучения роли политической конъюнктуры (*political opportunity structure*), свидетельствует о

том, что социальные движения часто используют борьбу чужих политических интересов в собственных целях.

На этот счет, в частности, Робертсон предлагает следующее объяснение:

«...Большая часть проявлений недовольства... не складывается в общественное движение и не предъявляет устойчивые требования от имени объединенного сообщества. Как мы видели, в России в конце 1990-х было много протестов, но так и не появились базовые социальные сети и структуры, обеспечивающие возможность коллективных действий для предъявления устойчивых требований за пределами узких пространственных и временных интервалов и небольших групп населения. <...> В большинстве случаев в соответствующих событиях участвовали лишь местные коллективы, чья общность определялась принадлежностью к месту работы или проживания. В протестах, как правило, участвовали ограниченные сообщества, а их требования в основном носили материальный, а также консервативный и охранительный характер; эти требования касались реализации уже установленных прав, а не расширения прав или представительства».

Чтобы показать, почему так произошло, почему все протесты 1990-х годов не смогли трансформироваться в настоящее общественное движение, Робертсон не прибегает к стандартным объяснениям, таким как слабость социального капитала, издавна укоренившееся недоверие к соседям и коллективным институтам. Вместо этого он развивает новую политэкономическую аргументацию, связанную с последствиями затяжного экономического спада в России. Падение производства в сочетании с финансовыми проблемами государства при-

вели к масштабным задержкам заработной платы и в целом к резкому ухудшению экономической ситуации, отчего недовольство стало практически повсеместным, а значит, с точки зрения массовой мобилизации, не имело перспективы. Поскольку недовольны были все, это не позволяло определить группу, чье недовольство выделяло бы именно ее членов среди всех остальных. Более того, поскольку для удовлетворения всех требований явно не хватало ресурсов, люди предпочитали действовать, преследуя собственные интересы или цели малых групп, а не добиваться общего блага, которое распространялось бы на всех, обеспечивая относительное улучшение жизненных условий.

Тем не менее неспособность работодателей — и, в частности, правительства как крупнейшего из них — выполнять свои обязательства по выплате заработной платы означало, что в России множество недовольных и их гнев направлен на вполне конкретный объект. Но в этой ситуации недовольными оказывались также и региональные власти. Они интенсивно лоббировали на федеральном уровне, добиваясь от правительства выделения финансовых ресурсов, и их борьба неизбежно становилась политической. Таким образом, политическая экономия демонетизации и масштабный спад промышленного производства не только вызывали общественное возмущение, но и превращали группы недовольных в «товар», или инструмент, который политические элиты могли приобретать и использовать по мере необходимости для разрешения внутриэлитных конфликтов.

Эта аргументация, будучи убедительной, хотя и необычной, ставит важный вопрос о долговечности концептуальной схемы Робертсона. На фоне серии протестов, начавшихся после выборов в декабре 2011-го, можем ли мы по-прежнему утверждать, что

они остаются прежде всего инструментом внутриэлитного соперничества? Или протестующие все-таки освободились от предписанной им Робертсоном роли конкурентного товара? Аналогичный вопрос относительно долговечности теории Робертсона возникает и в связи с его попытками распространить анализ, выполненный на российском материале, на гибридные режимы в целом. Он пишет:

«...Обычный подход к анализу политики в условиях гибридных режимов, который предполагает, что “режим” и “оппозиция” четко разделены, а протесты нарастают по мере возникновения политических лазеек, вводит нас в заблуждение. Вместо этого мы видим, что логика протестов определяется расплывчатой границей между режимом и оппозицией; из-за этой расплывчатости политические расчеты и [особенности институциональной среды] могут побудить бывших оппонентов [создать коалиции] с новым центром».

С одной стороны, явление, описанное Робертсоном в этом абзаце, действительно — и неоднократно — имело место в течение периода, который автор рассматривает в книге. Но можно ли утверждать, что и сейчас границы между режимом и оппозицией остаются расплывчатыми? Или на фоне событий, начавшихся в декабре 2011 года, между Кремлем и его оппонентами все же сформировались отношения «мы — они»?

Ответ на эту проблему «квадратуры круга» — как совместить логику недавнего российского прошлого с удивительными событиями сегодняшней России — кроется, я

думаю, в брошенных вскользь словах Робертсона. Он пишет:

«“Силу оппозиции” (opposition strength) и “силу режима” (regime strength), которые занимают столь важное место во многих исследованиях смены режимов, лучше трактовать как сущности скорее совместно обусловленные, чем независимые друг от друга».

Это очень важный момент, потому что при анализе авторитарных и гибридных политических систем природа режима и природа оппозиции часто воспринимаются как экзогенные и независимые друг от друга, хотя здравый смысл подсказывает иное. И это открывает для нас возможность разрешить тот вопрос, который казался неразрешимым, поскольку в такой системе некоторые элементы могут меняться, в то время как другие остаются неизменными. Иными словами, это позволяет разглядеть важный аспект гибридного авторитаризма, а именно его способность модифицировать манеру управления, не изменяя принципиально природу самого режима.

Таким образом, согласно Робертсону, можно считать, что на самом деле ситуация изменилась, границы стали более четкими, а протестующие освободились от прежнего «товарного» состояния, не утверждая при этом, что в России произошла какая-то революция. Вопрос, на который Робертсон не отвечает (и который станет центральным во множестве будущих публикаций), звучит так: наступит ли момент, когда возможности адаптации будут исчерпаны и те механизмы, которые режим использует для сохранения своей власти, в конечном счете обернутся против него самого? ■

САМЮЭЛЬ ГРИН